**№ 6 (183). С. 36–42 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 2019**
DOI: 10.15393/uchz.art.2019.369
УДК 94(47)

**МАРИЯ ЭДУАРДОВНА КОРГАНОВА**
аспирант Аспирантской школы по историческим наукам Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
*lumbrada@bk.ru*

# ЭГО-ИСТОЧНИКИ О ФЕНОМЕНЕ ДОНОСИТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ В 1929–1938 ГОДАХ

Практики агентурно-осведомительной работы заключенных в советских исправительно-трудовых лагерях рассматриваются как неотъемлемая часть широко распространенного в СССР социального феномена доносительства. Исследование построено на пересечении двух видов источников: делопроизводственной документации НКВД СССР и корпуса эго-документов, созданных людьми, которые в 1929–1938 годах находились в заключении в лагерях ГУЛАГа. Анализируются мотивы, которыми руководствовались органы госбезопасности при создании агентурно-осведомительной сети заключенных в лагерях, и мотивы заключенных, занимавшихся доносительством. Рассматриваются процесс вербовки заключенного в осведомители, возможные последствия отказа вербуемого заключенного от агентурной работы, источники пополнения доносчиков в лагерях, методы сбора агентурной информации, тематика доносов, риски и возможности, которые несла в себе агентурная работа для заключенного. Изучается влияние доносов на судьбы как самих осведомителей, так и их жертв, отношение заключенных к осведомителям, затрагивается вопрос, связанный с морально-этической дилеммой доносительства. Автор приходит к выводу, что практики доносительства являлись одной из самых распространенных форм сотрудничества заключенных с лагерной администрацией в ГУЛАГе.

Ключевые слова: ГУЛАГ, стратегии выживания заключенных, доносы в исправительно-трудовых лагерях, осведомительство, агентурная работа заключенных, эго-документы

Для цитирования: Корганова М. Э. Эго-источники о феномене доносительства в советских исправительно-трудовых лагерях в 1929–1938 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.369

Донос как явление общественной жизни существовал в любую историческую эпоху, но понятия «доносчик», «стукач», «сексот» и в воспоминаниях советских граждан, и среди современных россиян прочно ассоциируются именно со сталинским периодом. Благодаря целенаправленным усилиям партии донос был выведен из области безнравственных, позорных, морально-порицаемых поступков: власть проводила последовательную политику поощрения доносов, внушая населению, что долг каждого советского человека – быть «бдительным», «сигнализировать» и «разоблачать врагов». Согласно статье 58-12 Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 года за «недонесение» предусматривалось уголовное наказание, что усиливало атмосферу страха и взаимного недоверия[1]. Население повсеместно обращается к власти с целью ее «информировать» [2]. Специальные указания и инструкции, которыми руководствовались органы ОГПУ-НКВД, позволяют говорить о том, что с конца 1920-х годов вербовка осведомителей среди населения приобретает массовый характер [3: 169–206]. Осведомители должны были «обслуживать» все категории советских граждан, включая национальные меньшинства, интеллигенцию, колхозников, рабочих, военных и партийную номенклатуру. В то же время, помимо специально завербованных органами ОГПУ-НКВД штатных секретных агентов, резидентов и осведомителей, в СССР было широко распространено «непрофессиональное», «меркантильно-бытовое» доносительство на соседей, однокурсников, коллег или сослуживцев. Огромное количество писем-жалоб, писем-разоблачений в государственные структуры, центральные газеты и вождю свидетельствует о том, что практики доносительства оказались тесно вплетены в советскую повседневность. Мог ли этот столь распространенный социальный феномен обойти стороной исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа, которые представляли собой концентрированное подобие советской действительности? Эго-документы выживших в ГУЛАГе свидетельствуют о том, что еще во время следствия арестованные сталкивались в тюремных камерах с «наседками»[2]. Специально внедряемые органами НКВД провокаторы должны были разговорить сокамерников, к которым их подсаживали. Доносы «наседок» облегчали следователю сбор информации, необходимой для завершения следствия и подготовки обвинительного заключения по делу.

Приступая к изучению феномена доносительства в ГУЛАГе, необходимо помнить о серьезнейших ограничениях источниковедческого характера, которые связаны с обстоятельствами

© Корганова М. Э., 2019

формирования корпуса источников и спецификой исследуемой темы. К сожалению, источниковедческое исследование лагерного доносительства в строгом смысле этого слова невозможно: доступ к первичным источникам, которыми являются показания лагерных осведомителей, хранящиеся в следственных делах их жертв в архивах органов политических репрессий, отсутствует. Эти документы не только продолжают оставаться закрытыми для исследователей: сведения, содержащиеся в них, защищены законом[3], так как относятся к сфере частной жизни.

По понятным причинам подавляющее большинство заключенных, работавших осведомителями, не упоминали об этом в своих мемуарах[4] – для письменного и публичного признания в доносительстве необходимо было обладать предельной честностью и мужеством[5]. Таким образом, исследователь лагерного доносительства располагает единичными рассекреченными показаниями в опубликованных биографиях бывших заключенных (к примеру, следственное дело о. Павла Флоренского с показаниями доносчиков по кличке Копанин и Хапанели[6]), несколькими приказами ОГПУ-НКВД, последовательно инициировавшими и регламентировавшими агентурную работу заключенных в исправительно-трудовых лагерях и, наконец, «свидетельскими показаниями» – эго-документами заключенных. Наибольшим информационным потенциалом обладает именно последняя группа источников, в силу чего эго-документы узников ГУЛАГа поставлены в центр исследования в настоящей статье. Руководствуясь критерием информационной емкости источника, автор отобрал десять текстов, созданных бывшими заключенными, находившимися в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа в 1929–1938 годах. В выборку вошли не только источники мемуарного характера, созданные Д. С. Лихачевым[7], Г. А. Хомяковым (псевдоним – Андреев)[8], Е. Н. Федоровой[9], Д. П. Верховским (псевдоним – Витковский)[10], М. М. Розановым[11], Н. И. Киселевым[12], но и литературные произведения В. В. Чернавина и Т. В. Чернавиной[13], М. З. Никонова-Смородина[14], а также художественная проза: сборник автобиографических очерков «Россия в концлагере» И. Л. Солоневича[15], антироман «Вишера» и сборник «Колымские рассказы» В. Т. Шаламова[16].

Воспоминания Н. И. Киселева, В. В. Чернавина и М. З. Никонова-Смородина, опубликованные в 1934, 1935 и 1938 годах соответственно, представляют для нас особую ценность в связи с тем, что все три текста были написаны практически сразу после успешного побега из лагерей каждого из авторов: побег Н. И. Киселева состоялся в 1930 году, В. В. Чернавина – в 1932-м, а побег М. З. Никонова-Смородина – в 1933-м. Мемуаристы подробно освещают феномен лагерного доносительства: характеризуют сексотов и оценивают их деятельность, делят их на категории, много внимания уделяют рассмотрению мотивов, которыми руководствуются доносчики, описывают влияние их доносов на судьбы жертв. Все десять авторов свидетельствуют о широком масштабе распространения доносительства в исправительно-трудовых лагерях.

Прежде чем мы попытаемся оценить масштабы распространения доносительства в советских исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) и влияние доносов на жизнь как самих осведомителей, так и их жертв, необходимо выяснить, какую роль в реализации карательной политики советской власти НКВД СССР отводило развертыванию агентурной работы заключенных и какие цели и задачи в этой области были поставлены перед лагерным руководством. Внимательное знакомство с материалами делопроизводства советских карательных органов позволяет выделить три ключевых документа, регулировавших агентурную работу в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа: Приказ № 00159 от 26 апреля 1935 года «Об агентурной работе в исправительно-трудовых лагерях НКВД»[17], Приказ № 00588 от 14.09.1937 «С объявлением временного «Положения о 3-х отделах Исправительно-трудовых лагерей НКВД»[18] и Приказ № 00149 от 07.02.1940 «Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей-колоний НКВД СССР» [1: 496–499]. Первый приказ адресован начальникам территориальных органов НКВД, начальникам ИТЛ и начальникам 3-х информационно-следственных отделов ИТЛ. Риторика, сопровождающая мотивационную часть этого документа, достойна отдельного внимания: так, например, необходимость создания серьезной лагерной агентурной сети объясняется

> «активными действиями злейших врагов советской власти – внутренней и закордонной белогвардейщины по подготовке контрреволюционных выступлений в лагерях, налетов диверсионных банд на приграничные лагеря и даже повстанческого движения в СССР».

Обратимся к содержанию приказа. Нарком Г. Г. Ягода требует от лагерных начальников прекратить имеющую место массовую вербовку агентуры, провести фильтрацию всех имеющихся в лагерях агентов с помощью тщательной проверки и личной беседы с каждым из них, выявить его агентурные возможности, то есть все связи, которыми агент располагает в лагере и за его пределами. Главная цель, которую НКВД ставит перед лагерным руководством в этом приказе, – на каждого освобождающегося из лагеря заключенного, осужденного по «контрреволюционной статье», располагать агентурными данными о его «контрреволюционной работе и контрреволюционном поведении за весь период его пребывания в лагере». Для достижения этой цели

предусматривались контрольные меры межведомственного характера: ГУГБ УНКВД было обязано подготовить и передать 3-му отделению ГУЛАГа список осужденных наиболее «опасных контрреволюционеров» для рассылки по лагерям, а ГУЛАГ, в свою очередь, должен был периодически отчитываться перед ГУГБ УНКВД о ходе агентурной разработки этих контингентов. Этот же приказ требовал от начальников 3-х отделов лагерей регулярно отчитываться перед 3-м отделом ГУЛАГА и УГБ УНКВД оперативной сводкой о движении всех агентурных разработок и возникновении новых агентурных дел, а УГБ УНКВД обязано было проверять поступающие из лагерей сведения и давать им оценку. Следовательно, важнейшей задачей, которую лагерное руководство решало за счет вербовки осведомителей, был сбор агентурных донесений на «врагов народа». В качестве наиболее опасных преступников и, соответственно, наиболее важных объектов для агентурной работы указывались лица, осужденные по всем пунктам 58-й статьи:

«террористы, шпионы, антипартийные и контрреволюционные диверсанты, актив повстанческих, фашистских, вредительских, церковных и сектантских групп и организаций»[19].

В соответствии с двумя последующими приказами НКВД за 1937 и 1940 годы предметом попечения лагерной агентуры станут также вольнонаемные сотрудники лагерей, подозреваемые «во вражеской работе» или «подозрительные по шпионажу»[20]. Доносы заключенных-осведомителей использовались оперативными работниками 3-х отделов для «вскрытия и разоблачения вражеской деятельности» заключенных-«контрреволюционеров», возбуждения новых следственных дел и, в конечном итоге, вынесения новых приговоров в отношении уже наказанных советской властью преступников. В большинстве случаев это были обвинительные заключения, по которым заключенные получали «прибавку» лагерного срока или приговаривались к расстрелу.

Второй и не менее важной задачей, которую НКВД возлагал на создаваемую в лагерях агентурно-осведомительную сеть заключенных, являлось содействие сотрудникам 3-х отделов лагерей в профилактике побегов заключенных и борьбе с уголовными преступлениями (хищением и бандитизмом).

Все три приказа указывают на недостаточное количество проверенной и надежной агентуры в лагерях, отсутствие эффективной вербовки осведомителей и агентов из числа заключенных и результативной работы с ними, кадровый дефицит специальных 3-х отделов ИТЛ и низкую компетентность оперативно-чекистских кадров, руководящих агентурной работой, отсутствие тесного взаимодействия и практической помощи территориальных НКВД-УНКВД республик, краев и областей 3-м отделам ИТЛ. Наркомы Г. Г. Ягода, а затем Л. П. Берия требуют «укрепить 3-и отделы лагерей отборным чекистским составом» [1: 497]. Тем не менее к 1940 году ситуация, с точки зрения НКВД, продолжала оставаться неудовлетворительной, что привело к реорганизации 3-го отделения ГУЛАГА НКВД СССР и 3-х отделов ИТЛ и колоний и созданию на их базе оперативно-чекистских отделов ИТЛ ГУЛАГа НКВД. На новые лагерные подразделения были возложены те же обязанности: «агентурно-осведомительное наблюдение за осужденными преступниками» и даже «вербовка агентуры и осведомления среди заключенных преступников, с расчетом на их дальнейшее использование по отбытии срока наказания»[21]. Сеть осведомителей, как и в предыдущих приказах, подлежала строгому учету, регулярным проверкам и должна была постоянно находиться на связи с работниками оперативно-чекистстких отделов. В то же время начальники этих отделов, создаваемых взамен упраздненных 3-х отделов ИТЛ, были выведены из прямого подчинения 3-му отделу ГУЛАГа НКВД и переподчинены начальникам лагерей, став их заместителями. Впредь все аресты, обыски и другие оперативные мероприятия следовало проводить только с санкции и ведома начальника лагеря. Очевидно, что НКВД СССР уделяло большое внимание использованию заключенных в качестве агентов-осведомителей и пристально контролировало из центра налаживание агентурной работы в лагерях.

Усилиями информационно-следственных отделов в исправительно-трудовых лагерях создавалась разветвленная и эффективно работающая агентурно-осведомительная сеть. Наличие сексота в каждом структурном подразделении лагеря, даже в таких мелких, как отдаленная карельская лагерная командировка заключенных-рыболовов, состоящая всего из пяти человек[22], обеспечивало 3-и отделы оперативной информацией обо всех «контрреволюционных» разговорах, поведении, контактах заключенных и о готовящихся побегах. И. Л. Солоневич, В. В. Чернавин, М. М. Розанов, В. Т. Шаламов и многие другие бывшие заключенные единогласно утверждают, что сексотами был пронизан весь лагерь. Доносительство стало константой лагерной жизни. Это приводит нас к вопросу об источниках пополнения доносчиков в лагерях. В эго-документах бывших узников ГУЛАГа отчетливо прослеживается интересная тенденция: авторы склонны устанавливать тесную взаимосвязь между фактом доносительства того или иного заключенного и его принадлежностью к определенной социальной лагерной микрогруппе. Так, например, В. В. Чернавин в книге «Записки вредителя» приводит собственную классификацию доносчиков, согласно которой в исправительно-трудовых

лагерях действуют «три самостоятельных системы шпионажа <…>. Первая сеть секретных сотрудников – "сексотов" – ИСО». Эта сеть регулярных агентов вербуется 3-м отделом либо из числа низшего административно-хозяйственного персонала лагеря, представители которого используют доносы на своих подчиненных как инструмент для улучшения собственных условий жизни, либо из заключенных, принадлежащих к интеллигенции и осужденных по 58-й статье. Вторую группу доносчиков формирует культурно-воспитательный отдел лагеря, организуя сеть лагерных корреспондентов (лагкоров) по аналогии с существовавшими в советском обществе движениями сельских и рабочих корреспондентов (рабселькоров). Лагкоры, или лагерный «актив», пишут разоблачительные заметки, фактически – доносы на соседей по бараку или рабочей бригаде, по стилю, тону и содержанию напоминающие материалы советской прессы. Наконец, третья группа состоит из «добровольцев» – обычных заключенных, которые доносят начальству обо всех мелких нарушениях лагерного режима и тем самым пытаются добиться для себя льгот и «блата». Н. И. Киселев[23] и М. М. Розанов[24] также указывают средний и низший административно-хозяйственный персонал лагеря (канцелярских работников, счетоводов, десятников и нарядчиков) в качестве лиц, наиболее склонных к доносительству на заключенных. В. Т. Шаламов, которому довелось пережить особо тяжелые колымские лагеря в период массовых сталинских чисток, свидетельствует о тотальном доносительстве заключенных из крестьянской среды и об их особой ненависти к интеллигенции:

«…доносят все, доносят друг на друга с самых первых дней. Крестьянин же стучал на всех тех, кто стоял с ним рядом в забоях и на несколько дней раньше него самого умирал. – Это вы, Иван Ивановичи, нас загубили, это вы – причина всех наших арестов. Все – чтобы толкнуть в могилу соседа – словом, палкой, плечом, доносом. В этой борьбе интеллигенты умирали молча, да и кто бы слушал их крики среди злобных осатаневших лиц – не морд, конечно, а таких же доходяг. Но если у крестьянина-доходяги удержался хоть кусочек мяса, обрывок нерва – он тратил его на то, чтоб донести или чтоб оскорбить соседа Ивана Ивановича, толкнуть, ударить, сорвать злость. Он сам умрет, но, пока еще не умер, – пусть интеллигент идет раньше в могилу»[25].

Приведенные свидетельства не отражают всей полноты картины, но все же позволяют сформулировать некоторые предположения относительно того, какие социальные группы заключенных рассматривались начальниками 3-х отделов в качестве наиболее подходящих для вербовки в осведомители. Упомянутый нами приказ № 00159 от 26 апреля 1935 года «Об агентурной работе в исправительно-трудовых лагерях НКВД» содержал лишь самые общие предписания относительно критериев выбора подходящей кандидатуры:

«…вербовку впредь производить только после тщательного изучения и проверки намеченного к вербовке, используя для этой цели данные меморандума, терорганов б. ОГПУ или НКВД, приговор, имеющиеся материалы за время пребывания в лагере. Перед вербовкой каждого агента выяснять его связи в лагере и возможность, которыми он располагает для работы с ними. Прежде чем вербовать агента, необходимо совершенно четко уяснить себе – для какой цели и для разработки каких объектов данный агент вербуется»[26].

Фактически выбор потенциального доносчика оставался целиком и полностью за начальником 3-го отдела. Многие заключенные сталкивались с прямым давлением оперуполномоченных, авторы рассказывают о том, как их пытались завербовать[27]. Безусловно, легче всего было склонить к агентурной работе тех заключенных, которые «сломались» уже во время следствия, дав признательные показания на себя и своих знакомых. В. В. Чернавин называет таких заключенных «романистами»[28]. В группу риска быть завербованными попадали и те узники, кто совершил неудачную попытку побега, но был пойман. Им грозило наказание от увеличения лагерного срока до расстрела (в зависимости от статьи их приговора), и руководство 3-го отдела предлагало беглецу своеобразную сделку: избавление от наказания за совершенный побег в обмен на согласие стать доносчиком[29]. Приказы НКВД предусматривали организацию наблюдения за квалифицированным инженерно-техническим, научным, административным персоналом лагеря, в значительной степени состоящим из «контрреволюционеров», а это требовало вербовки заключенных-экономистов, бухгалтеров, инженеров-проектировщиков с последующим их внедрением в рабочий коллектив. Квалифицированный специалист, работавший доносчиком, должен был выявлять «вредительство» на лагерном производстве. В бараке или рабочей бригаде заключенных, выполняющих общие работы, доносчиком вполне мог являться заключенный-уголовник, но чаще всего 3-и отделы вербовали заключенных-бытовиков, занимающих низовые административно-хозяйственные должности.

Дискурс о социальной принадлежности лагерных доносчиков, содержащийся в эго-документах, позволяет нам поставить еще один вопрос: существовали ли такие социальные группы заключенных, которые практически не поддавались или с трудом поддавались вербовке? По мнению Д. С. Лихачева,

«самыми твердыми морально были – духовенство и кадровые военные. Среди них не было ни сексотов (секретных сотрудников), ни охранников из заключенных»[30].

Какими мотивами руководствовались те люди, кто добровольно или вынужденно становился лагерным доносчиком? Некоторые авторы эго-документов об исправительно-трудовых лагерях, выбранные начальниками 3-х отделов в качестве наиболее подходящих кандидатур, оставили довольно подробные описания процесса вербовки в осведомители. Разумеется, практически все мемуаристы сообщают о своем твердом отказе от подобного сотрудничества, несмотря на давление лагерного руководства и их угрозы возбудить новое уголовное дело или арестовать родственников. В тех редких случаях, когда заключенный дает письменное согласие на агентурную работу, он старается оправдать свой поступок совершенно безвыходным положением, когда ему грозит расстрел, как в ситуации с побегом Е. Н. Федоровой. Впрочем, большая часть успешно завербованных в осведомители заключенных предпочитала молчать об этом после освобождения из лагеря, поэтому вряд ли мы когда-нибудь узнаем о действительных мотивах принятия тем или иным заключенным решения стать сексотом. Тем не менее авторы эго-документов предлагают свои интерпретации мотивов действий доносчиков, и нам следует проанализировать их. Главным аргументом и основной мотивацией потенциального доносчика была возможность заработать досрочное освобождение из лагеря, которое было предусмотрено приказом «Об агентурной работе…» от 1935 года. Согласно ему, заключенные-доносчики, наравне с заключенными, перевыполнявшими трудовую норму, получали зачеты рабочих дней и сокращение лагерного срока. Если речь шла о вербовке заключенного-специалиста, то дополнительным мотивом становился страх потерять привилегированную должность в административно-хозяйственном аппарате, производственном или финансовом отделах лагеря и оказаться на общих работах. Хорошо выполняющий свою работу осведомитель получал поощрения в виде улучшенного питания, табака, но, главное, блата, то есть покровительства начальника 3-го отдела до тех пор, пока донесения агента представляли для него ценность. Доносчики могли действовать, руководствуясь чувством мести, зависти к тому заключенному, чьи бытовые условия были лучше, ревности к женщине-заключенной, то есть на чисто бытовой почве. Сеть лагкоров, по выражению И. Л. Солоневича,

> «вынюхивала всякие позорящие факты на счет недовыработки норм, полового сожительства, контрреволюционных разговоров, выпивок, соблюдения религиозных обрядов, отказов от работы и прочих грехов лагерной жизни»[31].

Но главной темой доносов, несомненно, были сообщения осведомителей о готовящихся побегах. Этому способствовала созданная в исправительно-трудовых лагерях система «круговой поруки», когда за побег одного заключенного несла наказание вся рабочая бригада. В. В. Чернавин рассказывает о том, что в донесениях о подготовке побегов агентура не останавливалась даже перед откровенной клеветой и провокацией. Заключенным Белбалтлага М. З. Никонову-Смородину и И. Л. Солоневичу, успешно бежавшим в Финляндию вместе с семьями, приходилось действовать крайне осмотрительно: самым сложным в подготовке побега являлось создание продовольственных запасов, которые нужно было тщательно прятать в лесу, остерегаясь слежки и доносов. Солоневич, исполняя обязанности начальника планового отдела Подпорожского отделения Белбалтлага и будучи автором идеи организации вселагерной спартакиады, пользовался «высоким» блатом – ему покровительствовал начальник Управления ББК Успенский и начальник 3-й части лагерного пункта Подмоклый, и все же незадолго до побега он находит следящего за ним в бараке дневального.

Мог ли вербуемый в осведомители заключенный без каких-либо последствий для своей жизни отказаться от сотрудничества с 3-м отделом? Авторы эго-документов о лагерях дают утвердительный ответ на этот вопрос. В то же время нужно помнить, что заключенный мог отказаться от доносительства, только если он еще не успел дать свое письменное согласие на подобное сотрудничество. В противном случае завербованный, но не выполняющий агентурные задания заключенный наказывался лишением зачетов и переводом на штрафной режим[32].

В зависимости от указаний 3-го отдела относительно объекта агентурной разработки, характера собираемой информации, количества донесений осведомители могли прибегать к различным методам сбора компрометирующей информации: от простого наблюдения до попыток сдружиться со своей жертвой и провокационно-«откровенных» разговоров[33].

Авторы воспоминаний отмечают, что наряду с преимуществами, которыми пользовался доносчик, агентурная работа таила в себе определенные риски: если сексота разоблачали, то заключенные могли избить или даже убить его, хотя инциденты подобного рода были сравнительно редкими. Информационно-следственные отделы, как правило, мстили за расправу над своими агентами, проводя обыски, аресты и допросы, поэтому лагерники ненавидели сексотов, но боялись их[34]. Интересно, что заключенные-«старожилы» далеко не всегда стремились разоблачить доносчика – они хорошо понимали, что взамен раскрытого агента чекистское руководство завербует нового, и для опытных лагерников было гораздо безопаснее и выгоднее понимать, кто из заключенных является сексотом, чтобы

сдерживаться и не говорить лишнего в его присутствии.

Отношение к доносчикам в исправительно-трудовых лагерях было двояким: в редчайших случаях осведомители вызывали жалость и сочувствие, большинство заключенных испытывало по отношению к ним страх и острую неприязнь. Узники понимали, что среди повседневных ужасов лагеря: голода, произвола уголовников и администрации, насилия, ежедневной сверхэксплуатации, – невозможно было просто так обзавестись покровительством начальства, хорошим питанием, папиросами, улучшить бытовые условия, получить легкую работу. Донесения стукачей очень часто имели трагические последствия для их жертв: заключенного, на которого поступал донос, ожидало ухудшение бытовых условий, перевод на общие работы, нахождение в штрафном изоляторе с последующим следствием, вынесением нового приговора с «прибавкой» срока, а иногда и расстрел. Для того чтобы выжить в ИТЛ, все подразделения которого были пронизаны агентурно-осведомительской сетью, заключенный должен быть очень осторожным, недоверчивым и замкнутым. Слишком часто вызываемый в 3-й отдел заключенный мог быть заподозрен своими товарищами в доносительстве – этого оказывалось достаточно, чтобы стать изгоем.

Нельзя дать однозначный ответ на вопрос о том, что же все-таки побуждало заключенных доносить на своих товарищей по несчастью. Мы можем лишь сделать предположения о наиболее вероятных причинах столь широкого распространения практик доносительства в ИТЛ. Во-первых, этому способствовала распространенность доносительства в советском обществе 1930-х годов. Во-вторых, немаловажным фактором являлся запрос власти на организацию агентурно-осведомительной сети в лагерях. Наконец, в процессе адаптации к экстремальным условиям лагеря, где предельно обострялась борьба за жизнь, каждый узник формировал индивидуальную стратегию выживания, выбор которой определялся в том числе и его морально-этическими убеждениями. Эго-документы бывших заключенных позволяют с уверенностью утверждать, что практики доносительства являлись одной из самых распространенных форм сотрудничества заключенных с лагерной администрацией, и они имели прагматический смысл: поступаясь нравственными принципами, заключенные получали разнообразные льготы, иногда сохраняли себе жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Уголовный кодекс РСФСР. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1950. С. 43. Первая публикация: СУ № 80, ст. 600.

[2] Термины «сексот» и «стукач» заимствованы авторами эго-документов о ГУЛАГе из тюремного жаргона и употребляются в значении, синонимичном понятию «доносчик», в то время как термин «наседка» семантически очень близок упомянутым нами терминам, но обозначает обвиняемого человека, который доносит на своих сокамерников в тюрьме по заданию следственных органов. «Наседок» намеренно подсаживали в общую камеру для провокаций или оказания психологического давления на подследственных с целью склонить их к даче показаний. См., например: Росси Ж. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. Лондон: ОПИ, 1987. С. 231.

[3] Федеральный закон от 13.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». Ст. 25, п. 3 // Российская газета. № 3614. 27.10.2004.

[4] Одним из немногочисленных исключений являются воспоминания заключенной Белбалтлага журналистки и писательницы Евгении Николаевны Федоровой, которая в конце сентября 1937 года после неудачного побега из лагерного пункта была завербована начальником III отдела для работы осведомителем и дала свое согласие. Правда, автор тут же оговаривается, что ей повезло: руководство опер-чекистским отделом Сегежского бумкомбината не одобрило ее кандидатуру, Федорову вернули на пересыльный пункт, и ей фактически не пришлось ни на кого доносить.

[5] Федорова Е. Н. На островах ГУЛАГа: воспоминания заключенной. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 311–313.

[6] Флоренский П. В. Пребывает вечно: Письма П. А. Флоренского, Р. Н. Литвинова, Н. Я. Брянцева и А. Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения: В 4 т. М.: Международный Центр Рерихов: МастерБанк, 2011. Т. 1 / Авт.-сост. П. В. Флоренский; Вступ. ст. П. В. Флоренский; Коммент. П. В. Флоренский, И. С. Жарова, Л. В. Милосердова, А. И. Олексенко, А. А. Санчес, В. П. Столяров, В. П. Флоренский, Т. А. Шутова. С. 259–261.

[7] Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 519 с.

[8] Андреев Г. А. Соловецкий остров // Грани. 2005. № 216. С. 36–78.

[9] Федорова Е. Н. Указ. соч.

[10] Витковский Д. Полжизни / Предисл. В. Лакшина // Знамя. 1991. № 6. С. 90–138.

[11] Розанов М. М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939: Факты – Домыслы – «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами: В 2 кн., 8 ч. США: Изд. автора, 1979. Кн. 1. Ч. 1–3. 293 с.

[12] Киселев-Громов Н. И. С.Л.О.Н. Соловецкий лес особого назначения. Архангельск: Тур, 2009. 112 с.

[13] Чернавин В. В., Чернавина Т. В. Записки «вредителя». Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон, 1999. 328 с.

[14] Никонов-Смородин М. З. Красная каторга. София: Изд-во Н.Т.С.Н.П., 1938. 371 с.

[15] Солоневич И. Л. Россия в концлагере / Подгот. текста М. Б. Смолина. М.: Москва, 1999. 560 с.

[16] Шаламов В. Т. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Вагриус: Худож. лит., 1998. Т. 1: Колымские рассказы. 620 с. Т. 2: Колымские рассказы. 509 с. Т. 4: Четвертая Вологда; Вишера / Послесл. И. П. Сиротинской. 494 с.

[17] Приказ НКВД СССР № 00159 от 26.04.1935. ГАРФ Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 6. Л. 25–27.

[18] Приказ НКВД СССР № 00588 от 14.09.1937 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 15. Л. 22–25. Типографский экземпляр.

[19] Приказ НКВД СССР № 00159 от 26.04.1935…Л. 26.

[20] Приказ НКВД СССР № 00588 от 14.09.1937…Л. 22.

[21] Там же.

[22] Чернавин В. В., Чернавина Т. В. Указ. соч. С. 325–326.
[23] Киселев-Громов Н. И. Указ. соч. С. 70.
[24] Розанов М. М. Указ. соч. С. 49.
[25] Шаламов В. Т. Указ. соч. С. 177–178.
[26] Приказ НКВД СССР № 00159… Л. 26.
[27] Витковский Д. Указ. соч. С. 17.
[28] Чернавин В. В., Чернавина Т. В. Указ. соч. С. 175–181.
[29] Федорова Е. Н. Указ. соч.; Флоренский П. В. Указ. соч. С. 55–60.
[30] Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 399.
[31] Солоневич И. Л. Указ. соч. С. 146.
[32] Приказ НКВД СССР № 00159… Л. 26.
[33] Андреев Г. А. Указ. соч. С. 60–63.; Никонов-Смородин М. З. Указ. соч. С. 216–217.
[34] Солоневич И. Л. Указ. соч. С. 418–423.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917–1960 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2000. 888 с.
2. Лившин А. Я., Орлов И. Б. Письма во власть. 1917–1927. М.: РОССПЭН, 1998. 664 с.
3. Советская агентура: очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). М.; Нью-Йорк: Современная История, 2006. 296 с.

*Поступила в редакцию 15.05.2019*

---

**Maria E. Korganova,** Postgraduate Student, Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

## THE PHENOMENON OF DENUNCIATION IN THE SOVIET CORRECTIVE LABOR CAMPS OF 1929–1938 THROUGH EGO-DOCUMENTS

Denunciation practice among prisoners in the Soviet corrective labor camps is studied as part of a widespread social phenomenon in the Soviet society. The study is based on the revision of two different types of sources: the documentation of the Soviet People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) and the set of ego-documents created by the people who were imprisoned in the Gulag camps during the period from 1929 to 1938. The article analyzes the motives that guided the state security agencies when creating an intelligence network of prisoners in camps and the motives of the prisoners who were recruited as informants. The study examines the recruitment process, possible consequences of prisoners' refusal to work as informants, the sources of informants' recruitment in corrective labor camps, the subjects of their reports, as well as the risks and opportunities of such denunciation practice for the prisoner. The influence of denunciations on the fate of both the informants and their targets is being studied, as well as the question of a moral and ethical dilemma of denunciation. The author comes to the conclusion that denunciation practice can be considered one of the most common forms of cooperation between the prisoners and camp authorities in the Gulag.

Keywords: Gulag, prisoner's survival strategies, denunciations in corrective labor camps, camp everyday life, denunciation practice, prisoners' informant activities, ego-documents

Cite this article as: Korganova M. E. The phenomenon of denunciation in the Soviet corrective labor camps of 1929–1938 through ego-documents. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2019. No 6 (183). P. 36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.369

REFERENCES

1. GULAG: Main Camp Administration. 1917–1960 (A. N. Yakovlev, Ed.; A. I. Kokurin, N. V. Petrov, Comp.). Moscow, 2000. 888 p. (In Russ.)
2. Livshin A. Ya., Orlov I. B. Letters to power. 1917–1927. Moscow, 1998. 664 p. (In Russ.)
3. Soviet agents: essays on the history of the USSR in the postwar years (1944–1948). Moscow, New York, 2006. 296 p. (In Russ.)

*Received: 15 May, 2019*